

Сэссёмару смотрел, как Ли Сянъи, прижимая к себе кувшин с вином, даже себе не наливает. Встал и взял другой кувшин. Ли Сянъи не успел помешать и мог только смотреть, как Ша-гэ наливает себе и пьёт.

Несколько чашек выпив, Ли Сянъи украдкой взглянул на Ша-гэ и, увидев, что его взгляд по-прежнему ясен и никаких странных действий нет, украдкой вздохнул с облегчением. Он успокоился и начал рассказывать о своих дальнейших планах:

— Ша-гэ, давай возьмём награду за голову преступника. Так мы и справедливость восстановим, и деньги заработаем — два в одном.

Сэссёмару посмотрел на его сияющий взгляд, выпил чашу вина и слегка кивнул:

— Хорошо.

Когда они покончили с едой и вином, время было уже почти шэнь. Ли Сянъи подозвал ожидавшего снаружи слугу, расплатился, обернулся, чтобы позвать Ша-гэ выходить, и тут увидел, как Сэссёмару с невозмутимым лицом резво встаёт, совсем не похожий на свою обычную холодную манеру.

Сэссёмару пристально смотрел на Ли Сянъи, на лице всё ещё было благородное и холодное выражение, но шаги, которыми он направился к Ли Сянъи, были шаткими.

Ли Сянъи вздрогнул, лёгкое опьянение мгновенно улетучилось, он совершенно протрезвел. Он быстро подошёл, осторожно поддержал Сэссёмару и спросил:

— Ша-гэ, ты... ты в порядке?

Сэссёмару схватил Ли Сянъи за руку, голос его был слегка рассеянным:

— Со мной-то что? Это вино на вкус превосходно!

С этими словами он, покачиваясь, направился к выходу. Ли Сянъи испугался: «Он опять пьян!» — поспешно схватил его за руку:

— Ша-гэ, куда ты?

Сэссёмару уставился на него, на лице его редкостно появилась тень растерянности. Он серьёзно подумал и ответил:

— Спать!

Сытый и напившийся, конечно, нужно спать. Великий демон, превзойдя звериную природу, принял человеческий облик, но некоторые инстинкты не изменить!

Думая так, Сэссёмару почувствовал, что сознание слегка затуманилось. Он покачал головой, прищурился, взглянул на руку Ли Сянъи, вцепившуюся в него, слегка напрягся и, потянув Ли Сянъи за собой, выпрыгнул в окно.

Ли Сянъи, пошатываясь, приземлился вслед за Ша-гэ и, почувствовав над головой яркое солнце, увидел, что между бровей великого демона разлилось раздражение. Тот отпустил его руку и начал стягивать с себя одежду.

Ли Сянъи поспешно придержал его, пытаясь помешать снять одежду прямо на месте. Сэссёмару нахмурился и вырвался. Ли Сянъи, оглянувшись на прохожих, которые уже смотрели на них, суетливо запахнул разорванный ворот Ша-гэ, натянул улыбку и мягко успокоил:

— Ша-гэ, подожди... я отведу тебя спать, иди за мной.

Сказав это, не дожидаясь реакции Сэссёмару, он взвалил Ша-гэ себе на спину, вложил всю внутреннюю силу в Шаги Поса, и через несколько вдохов они уже были в гостинице.

Под изумлёнными взглядами окружающих Ли Сянъи на спине внёс Сэссёмару в комнату и только тогда опустил его.

Когда Ли Сянъи закрыл дверь и обернулся, он увидел, что Ша-гэ уже сбросил на пол обувь и носки, серебряную корону снял и бросил в сторону. С распущенными чёрными волосами, босой, он стоял на полу и в раздражении дёргал свою одежду.

На улице было очень светло. Ли Сянъи, спохватившись, быстро подбежал и закрыл окно.

Свет просачивался в комнату сквозь рисовую бумагу. Великий демон, разорвавший ворот, но не сумевший снять одежду, взмахнул рукой и разорвал её на себе. Тэнсэйга упал на пол. Наконец освободившись от пут, великий демон глубоко выдохнул и уже собрался, следуя инстинкту, сбросить с себя последнюю преграду на поясе, но Ли Сянъи, весь красный, схватил его за руку.

Ли Сянъи, сам не зная почему, почувствовал себя вором, боящимся разоблачения. Он запинаясь произнёс:

— Ша... Ша-гэ, ты сейчас не можешь превратиться в демоническое тело... так... так и спи.

Сэссёмару с трудом попытался осмыслить смысл его слов, но сознание было спутано и не могло сфокусироваться. Однако он доверял и был близок к этому человеку, хотя и чувствовал дискомфорт, но послушно остановился, убрав руку, готовую снять последний слой преграды.

Сэссёмару в своём спутанном сознании на мгновение задумался, перехватил руку Ли Сянъи и толкнул его, усадив на край кровати.

Ли Сянъи, не ожидая, оказался сидящим на кровати, тело откинулось назад, и только руки, упёртые сзади, не дали ему упасть на постель.

Эта поза человека, смотрящего снизу вверх, у ёкаев означает открытие жизненно важных точек и полное доверие. У пьяного большого пса голова шла кругом, но он был доволен таким близким видом человека.

Он приблизился, внимательно рассматривая человека, и по инстинкту слегка принюхался к запаху существа, находящегося под ним.

Ли Сянъи от этого действия остолбенел. Сильный запах вина от Сэссёмару слегка опьянил и его самого. Он почуял на Ша-гэ пряный аромат, смешанный с запахом вина, и его шея покраснела. Запинаясь, он спросил:

— Ша... Ша-гэ, что ты собираешься делать?

Сэссёмару слегка склонил голову, услышав его вопрос, и, будто вспомнив, что собирался спать, одной рукой подхватил Ли Сянъи, поместил его на внутреннюю сторону кровати, затем лёг сам у края и тут же, протянув правую руку, обхватил Ли Сянъи, собираясь притянуть его к своему животу!

Это была защитная поза Клана Белых Псов по отношению к человеку, которого они признают и которому покровительствуют.

Ли Сянъи мгновенно пришёл в себя, поспешно упёрся руками в грудь Сэссёмару, пытаясь остановить великого демона, но, коснувшись крепких грудных мышц Ша-гэ, отдёргнул руки, словно обжёгшись.

Человек, не имевший возможности сопротивляться, оказался в объятиях великого демона. Его раскрасневшееся лицо коснулось прохладного тела великого демона, и он оцепенел на месте.

Сэссёмару почувствовал, что человек в его объятиях затих, и удовлетворённо погладил его по голове, затем закрыл глаза.

Ровное сердцебиение великого ёкая звучало прямо у уха, медленнее и сильнее, чем у людей. Ли Сянъи слушал, как дыхание великого ёкая постепенно становится ровным, но в голове его роились беспорядочные мысли, он никак не мог успокоиться, сердце колотилось как барабан.

Ли Сянъи знал, что у великих ёкаев нет тех сложных церемоний, что у людей. Это было то, что великий ёкай поместил его в свой защитный круг, это был самый прямой способ выразить близость. Даже среди людей братья нередко спят в одной постели, нога к ноге. Он и сам никогда не был приверженцем этих формальностей, и не раз ему приходилось быть обнажённым вместе с другим мужчиной.

Но именно так, с великим ёкаем, это приводило его в полное смятение.

Ли Сянъи подумал: наверное, потому что в юности, когда он впервые увидел этого великого ёкая, тот был слишком ослепителен, и за семь лет общения он всегда чувствовал, что это было бы кощунством по отношению к этому божеству-ёкаю.

Ли Сянъи потрогал бок носа, осознав это, постепенно успокоился, высвободился из оков Сэссёмару, спрыгнул с кровати и только тогда облегчённо выдохнул. Снова приняв решение: в следующий раз Ша-гэ ни за что нельзя давать вино!

Сэссёмару спал этим сном очень сытно. Демоническая сила была скована, сознание притуплено алкоголем, не нужно было постоянно быть настороже. Он проспал до часа чэнь следующего дня, и проснулся только тогда, когда Ли Сянъи приблизился к двери.

Когда они омылись и переоделись, Ли Сянъи, как обычно, помог Сэссёмару высушить волосы и уложить их в причёску. Наблюдая за ним, он заметил, что Ша-гэ, как и в прошлый раз, совершенно ничего не помнит о том, как напился. Вздохнув с облегчением, он одновременно задумался, как бы убедить Ша-гэ больше не пить. Думал-думал, но так и не придумал.

Сэссёмару увидел, что с тех пор, как Ли Сянъи вошёл, его лицо несколько раз менялось, он несколько раз порывался что-то сказать, но не решался. Не зная, что за дела у этого человека на душе, и видя, что тот всё молчит, он всё же спросил:

— У тебя есть что сказать мне?

Ли Сянъи, увидев, что Ша-гэ сам спросил, перестал колебаться. Он надел корону, сел и, глядя на Сэссёмару, прямо спросил:

— Ша-гэ, ты помнишь, что было после того, как мы вчера выпили?

Сэссёмару, видя его серьёзное лицо, слегка прищурился и задумался:

— Что я сделал вчера?

Ли Сянъи потрогал нос, взглянул на холодное и прекрасное лицо Ша-гэ и на мгновение не нашёл, что сказать.

Сэссёмару, видя это, слегка похолодел, тщательно вспоминая вчерашние события, но помнил только, как потащил Ли Сянъи из таверны в комнату спать, и ничего больше. Он посмотрел на всё ещё колеблющегося человека:

— Говори прямо!

Ли Сянъи кашлянул, набрался смелости и рассказал о том, как Ша-гэ вчера на улице собирался снять одежду.

Сэссёмару, выслушав, только фыркнул:

— Стоит ли из-за этого так скрывать? Люди такие хлопотные! Только вот ваше, человеческое, вино действительно странное — я совсем не помню этого события.

Ли Сянъи, увидев такую реакцию Ша-гэ, вдруг подумал, что его собственная вчерашняя реакция была слишком панической. Лёгкое чувство неловкости в душе полностью рассеялось.

Поняв это, Ли Сянъи перестал терзаться, усмехнулся, сделал рукой жест, будто поднимает чашу, и, приподняв бровь, спросил:

— Тогда в будущем это вино, Ша-гэ, ты будешь пить или нет?

Сэссёмару, увидев его странную позу, встал, опустив взгляд, приблизился к Ли Сянъи, который слегка запрокинул голову, глядя на него. В его вопросительных глазах уголки губ Сэссёмару приподнялись — и он действительно увидел в глазах этого человека остолбенелое выражение.

Улыбка на губах Сэссёмару стала глубже. Он поднял правую руку и, на голове этого всё более дерзкого человека, звонко щёлкнул, затем неторопливо вышел из комнаты.

Сзади донёсся болезненный вскрик человека. Выражение лица великого демона было невиданно мягким: «Давно пора было проучить этого дерзкого человека».

Под звуки жалоб человека Сэссёмару с удовольствием закончил завтрак, решив, что сегодняшние «паровые пельмени» были на удивление вкусны.

Вчера из-за того, что Ша-гэ напился, они не успели как следует обойти город Лоян. Сегодня после завтрака они вышли прогуляться по этому оживлённому городу.

У юноши правая щека была набита, в обеих руках он нёс полные пакеты разных пирожных и закусок. Он ел на ходу, гулял и заодно разузнавал о великом деле, касающемся возвышения молодого героя Ли.

В это время Шань Гудao в маске вошёл в одну гостиницу в западной части города Лоян. Он направился прямо к комнате «Тянь-цзы №1», постучал два раза быстро и два раза медленно — условным сигналом. Дверь открылась, и Шань Гудao шагнул внутрь.

Дверь за ним снова закрылась. Шань Гудao подошёл к столу и сел. Подняв руку, он остановил юношу, который собирался поклониться, и голос его был слегка нетерпелив:

— Фэн Цин, я просил тебя разузнать о том человеке по имени Сэссёмару, который рядом с Ли Сянъи. Ты выяснил его происхождение?

Мужчина по имени Фэн Цин покачал головой, в его словах звучало недоумение:

— Этот человек словно возник из ниоткуда. От наших лазутчиков в тех местах, куда Ли Сянъи спускался с горы вместе с вашим учителем, приходили вести: раньше рядом с Ли Сянъи этого человека никогда не было. Впервые он появился, когда сопровождал Ли Сянъи в Городок Цинфэн на встречу с вами, господин.

Шань Гудао нахмурился и задумался:

— Происхождение этого человека — загадка, его методы — таинственны. Когда я впервые увидел его, он встретился со мной взглядом, и моё сердце не на шутку испугалось, словно я встретил дикого зверя, готового наброситься. В тот день он указал на того младшего из клана Хэ, и когда я снова взглянул на того мальчишку, моё сердце снова наполнилось необычайной настороженностью. Такие методы — невиданное в поднебесной!

Фэн Цин, выслушав, задумчиво сказал:

— В поднебесной хватает таинственных и непостижимых методов. Вот, например, наше сокровище Наньинь. Вы, господин, предположили, что он ученик какого-то отшельника-мудреца. Похоже, у этого человека в руках тоже есть необычное сокровище. Нужно ли нам, подчинённым, проверить это?

Шань Гудао подумал и кивнул:

— Наши силы не должны раскрываться. Передай весточку Трём бандам Дунлина, что Облачное железо клана Хэ находится у Ли Сянъи. Пока не раскрывай, что Хэ Саньлан жив, чтобы они не заподозрили меня.

На четвёртый день, в час сы, «Чжуйфэн» и «Тасюэ» с двумя ещё более объёмными тюками на спинах вышли из города вместе с двумя хозяевами. С Сэссёмару рядом не было нужды ни в какой привязи.

Как только Ли Сянъи вышел из города, он увидел Шань Гудао, ожидающего у городских ворот. Он поспешно снял с лошади один тюк и быстро подошёл.

На лице Шань Гудао, как всегда, было мягкое и приветливое выражение:

— Сянъи, эти несколько дней вы с братом Ша хорошо повеселились?

Ли Сянъи протянул свёрток Шань Гудао:

— Еда и напитки в городе Лоян совсем не такие, как на Горе Юньинь. Учитель-брат, это несколько особенных пирожных и два кувшина вина Дукан. Я и для тебя взял!

Шань Гудао принял свёрток, не глядя, повесил его на лошадь, но в голосе его звучала радость:

— Спасибо, младший ученик-брат, что вспомнил меня. Я не успел ничего купить.

Ли Сянъи взял под уздцы подошедшего «Чжуйфэна», вскочил на лошадь и, услышав это, с любопытством спросил:

— Учитель-брат, до въезда в город ты не говорил, что у тебя здесь есть друг. Твоя встреча с другом прошла успешно?

Шань Гудао, услышав это, взглянул на Сэссёмару, который уже поехал вперёд, и сказал:

— Этот друг знаком со мной с давних лет, только... — он слегка запнулся и с неловкостью продолжил: — Только в молодости он был ранен в поединке и тоже потерял конечность. С тех пор он всё время впадал в уныние, стеснялся и не мог найти себе места. Я боялся, что это может задеть брата Ша, и что он может неправильно понять, поэтому и не сказал.

Сказав это, Шань Гудао украдкой покосился на Сэссёмару впереди и увидел, что его лицо спокойно, никаких эмоций.

Ли Сянъи счёл эти слова странными:

— Учитель-брат, что ты имеешь в виду? Ша-гэ никогда не скрывал своей отсутствующей руки, так что и нам не нужно специально избегать этой темы. Ты встречался с другом один, и тебе следовало думать о заботе о нём, а не делать такие предположения.

Лицо Шань Гудао сразу потемнело:

— Младший брат, что это значит? Я с братом Ша, в конце концов, не очень близок. Я стараюсь быть внимательным и деликатным, а это оказывается беспричинными предположениями?

Ли Сянъи, услышав это, покачал головой:

— Учитель-брат, я не имел в виду ничего плохого, просто Ша-гэ...

Шань Гудао поднял руку, останавливая его:

— Я понимаю твою мысль. Но я, как старший брат, всё же немного старше вас. В общении между людьми, хотя и нужно быть искренним и прямым, следует также проявлять больше понимания. Ты поступаешь так, а откуда тебе знать, что думают другие? В делах и в жизни нужно больше размышлять и обдумывать!

Сказав это, не дожидаясь ответа Ли Сянъи, он пришпорил коня и уехал. Ли Сянъи, размышляя над словами старшего брата и глядя на его удаляющуюся спину, глубоко вздохнул и подъехал к Ша-гэ.

Он посмотрел на Сэссёмару, который смотрел на него, и спросил:

— Ша-гэ, ты только что всё слышал?

Сэссёмару посмотрел на Ли Сянъи, в глазах которого читалась растерянность, и гордо произнёс:

— Слова слабого — я никогда не обращаю на них внимания. — Увидев, что он хмурится и размышляет, добавил: — Сильному зачем думать одинаково с другими? Ли Сянъи, поехали.

Услышав эти слова Ша-гэ, Ли Сянъи внезапно ощутил ясность в душе, и его сердце стало ещё более твёрдым.

Раз уж быть искренним и прямым в общении, то настаивать на своём — вот путь сильного.

Только... не указывают ли слова старшего брата на то, что мои прежние поступки его задели?

<http://bllate.org/book/19978/1968397>